

Посвящается «таким» девчонкам

Предисловие

Современные родители часто жалуется на своих детей-подростков: сидит все время в компьютере или в телефоне, на улицу лишний раз не выгонишь, вместо книжек — сплошные чаты, мемы и компьютерные игры, вот мы в их возрасте... А что, собственно, «мы» в таком возрасте — то есть двадцать-тридцать лет назад? Свою версию тинейджерского досуга конца 1990-х — начала 2000-х предлагает Елена Кречман в романе «Возраст согласия» — предельно откровенной, а иногда и шокирующей истории влюбленности семнадцатилетней Ксении в женатого дядьку «под пятьдесят». Влюбленности вовсе не платонической, а самой что ни на есть реализованной бурной страсти. При всех обескураживающих подробностях и при сопутствующем таким отношениям непрерывном вранье, манипуляциях, подлостях и прочих малосимпатичных чувствах и ситуациях подобные романы вовсе не являются чем-то из ряда вон выходящим: в юности такие истории слы-

Елена Кречман

шали почти все девушки — почти у каждой была подружка, соседка, одноклассница или кто-нибудь еще, влюбленная в мужчину, годящегося в отцы. Причем диапазон проявлений подобного чувства был достаточно широк — от обожания поп-звезды или артиста, тайных вздыханий по харизматичному учителю до собственно любовной истории со взрослым человеком, чреватой многими этическими, психологическими и житейскими проблемами, травмирующими многих юных героинь на всю жизнь.

В «Возрасте согласия» Елене Кречман удастся рассказать о чувствах и похождениях юной героини не с позиции жертвы — мужчины, окружения, общества и его установок, — а подробно и остроумно показать, как именно завязываются такие отношения, на чем они основываются, как развиваются и чем заканчиваются. Елена фиксирует каждую мысль и эмоцию своей героини, обстоятельства свиданий, ссор и примирений. И делает это не с позиции взрослого человека, сознающего бесперспективность, а возможно, и опасность подобной связи для психики и здоровья или даже ее криминальный характер, а вместе со своей героиней проходит весь путь от осознания ею своего интереса к мужчинам «на три жизни старше» до понимания бесконечности и беспредметности настоящей любви. Любви, служащей источником радости и вдохновения в не особенно веселом и комфортном течении повседневной жизни.

Как я уже отмечала, Елена Кречман не видит в Ксении жертву, она наделяет ее субъектно-

стью, делает эмоционально равноправной участницей отношений с почти пятидесятилетним Ю. Более того, о таких отношениях Ксения мечтает. «Моя Лолита», — шептал замороженный Гумберт, отравленный сладостным ядом желания. «Моя Лолита», — вторю я, замороженная его жгучим желанием. «Найду ли я своего Гумберта?» — размышляет двенадцатилетняя Ксения, прочитав случайно найденный в материнской библиотеке роман Владимира Набокова. Однако, как бы многочисленным поборникам морали ни хотелось обвинить в дальнейших событиях в жизни Ксении не вовремя прочитанную книгу, дело во все не в ней, а в общем устройстве жизни героини и ее матери — принципиально-романтической матери-одиночки, у которой много тяжелой работы, мало денег, да еще и проблемы с алкоголем: «Я знала, что на нынешней работе маме тяжело. Она с самого утра до позднего вечера сидела в маленькой будочке, заставленной бутылками с пивом и водкой, увешанной блоками сигарет. Развернуться негде, обслуживай весь день алкашей. На обрывках от этих блоков она часто писала мне милые записки. Иногда даже со стишками или рисунками больших улыбающихся китов и тигров». Мать и дочь очень близки, но явно не хватает других людей — тех, с кем можно смотреть и обсуждать арт-хаусные фильмы, ездить на шашлыки и гулять с собакой. «Кто скажет, как живет тихая, пьющая женщина со своим ребенком, никому не видимая в однокомнатной квартире», — пишет о таких семьях Людмила Петрушевская в рассказе «Страна». Конечно, мать Ксе-

нии всеми силами пытается раздвинуть рамки этого замкнутого мира, но появление в нем новых людей приносит мало радости. Все они, включая родственников, оказываются либо пьяницами «с необычайным нюхом на водку», которую открывают на столе, либо мелкими развратниками, не упускающими возможности вступить в какие-то отношения с матерью Ксении или как-то «по-особенному» прикоснуться к взрослеющей девочке. Некоторые, впрочем, не стремятся совмещать приставания к матери с развратными действиями в отношении дочери. При этом, несмотря на всю близость, мать и дочь не могут поделиться друг с другом переживаниями по этому поводу, и Ксения узнает о внутреннем мире и чувствах матери, только случайно найдя ее дневник, в котором объясняется и тайна ее рождения, и ее сложное мироощущение.

А мир Ксения действительно воспринимает не просто: «Мне требовалась защита от мира, в котором я не находила союзников. Я хотела научиться только одному — притворяться, что я такая же, как все. Что меня интересуют только подробности чужого секса, выпивка, слухи про звезд, последствия катастроф, сигареты, искусство нанесения косметики, деньги. До какой-то степени меня действительно все это интересовало. Но совсем не глубоко. Скрытым оставалось вечное ощущение отчуждения от других, любовь к литературе, болезненное восприятие алкоголизма матери, влечение ко взрослым мужчинам, явление тигра в самые неподходящие моменты». Разумеется, в какой-то степени что-то подобное

чувствует каждый подросток, но в случае Ксении отчуждение усугубляется ее склонностью к самоанализу и написанию текстов. Она записывает свои мысли с раннего детства, пишет письма неюному возлюбленному, которому пытается объяснить свои чувства и поступки. Однако летящий на волне сексуального влечения пятидесятилетний кавалер, спасибо, что хотя бы благодарит юную возлюбленную за доверие, но не делает ничего, чтобы изменить ее жизнь или хотя бы образ мыслей к лучшему. Не считать же в самом деле улучшением жизни дорогой подарок — мобильный телефон, который вскоре превращается в средство отслеживания и манипуляции. Влюбленная пара даже почти не разговаривает, ограничиваясь лишь любовным лепетом и скандалами из ревности. В общем, Ю. нет особого дела до того, как Ксения живет, — стареющий мужчина просто пытается продлить мгновение, когда секс еще получается и почти бесплатен.

Однако и Ксения старается как можно дольше удержаться на гребне страсти: это защищает ее от окружающего убожества — скучной учебы, глупых простоватых подружек, еще менее внимательных, чем Ю., ухажеров, подросткового пьянства и наркотиков. Словом, роман с Ю. помогает ей пережить нелепость и беспомощность переходного возраста. А как только Ксении исполняется восемнадцать, она находит более или менее приемлемую работу и компанию со схожими интересами, потребность в Ю. не без страданий и труда, но растворяется в повседневных заботах и новом, уже взрослом понимании мира и человеческих отношений.

Елена Кречман

То же самое происходит и с героиней романа Наталии Медведевой «Мама, я жулика люблю», который невозможно не упомянуть в контексте разговора о «Возрасте согласия». Но если героиня Медведевой — пятнадцатилетняя школьница, в начале 1970-х закрутившаяся в сложных, нервных, перенасыщенных сексом и мелким криминалом отношениях со взрослым фарцовщиком, — всеми силами выражает протест против окружающей действительности: неудовлетворенной жизнью матери, идеологических установок школы, советского ханжества, творящегося на всех уровнях — от хозяйки дачных домиков у моря до пациенток гинекологической больницы, то Ксения у Елены Кречман просто выживает в той реальности, которую предлагают ей поздние 1990-е — ранние 2000-е, приметы которой Елена фиксирует с тем же отсутствием виктимности и с той же дотошностью и остроумием, что и чувства героини.

Описание быта и нравов конца девяностых—начала нулевых вообще приятный бонус этой книги, вызывающий одновременно ностальгию и удивление разряда «а что, так можно было?», «так действительно было?». «Вспоминаю один эпизод. Мне шесть. Мы с соседским мальчиком сидим у него на кухне, гипнотизируем бутылку темно-зеленого стекла.

— Хочешь пива? — спрашивает он. — Очень вкусно. Смотри, еще немного осталось.

Как-то мы уже пробовали хрустящие звездочки кошачьего корма, и они оказались вполне ничего, поэтому у меня нет причин не доверять ему.

Возраст согласия

Я взяла бутылку в руки, открыла рот и брызнула на язык несколько капель. Потом долго отплевывалась под его веселый смех». Сейчас такие эксперименты шестилетних детей становятся событиями криминальной хроники и предметом пристального внимания органов опеки, в те же времена вряд ли кто-то увидел бы в этом что-то особенное. Так же как в подростковом курении, мелком городском автостопе и лайфхаках вроде этого: «Наташкины родители давали деньги не только учителям, но и ей. Поэтому она могла покупать сигареты и алкоголь. В любом ларьке работала незатейливая мантра: “Это для папы”».

Подростки поколения Елены Кречман и ее героини Ксении были чрезвычайно самостоятельны и изобретательны. Легко общались с самыми разными людьми и чувствовали себя в пятимиллионном городе как на собственной кухне, а иногда даже свободнее. Рано ощущали себя взрослыми и способными к трудным решениям и серьезным чувствам, редко кого-то или чего-то боялись, потому что верили в собственную неуязвимость — к сожалению, часто напрасно: немногим удалось не только выжить, но и, как Елене Кречман, написать об этом хорошую книгу, которую интересно читать и при этом совершенно не желать своим детям таких приключений. Пусть лучше играют в компьютерные, а не взрослые игры.

Аглая Топорова

Как огонь покрыт дымом, зеркало — пылью, а зародыш — чревом, так и живые существа, каждое в разной степени, покрыты вожделением.

Бхагавад-Гита, 3.38

Глава 1. Лола

Когда мне исполнилось двенадцать лет, я поняла, что меня привлекают мужчины на три жизни старше. Это случилось не внезапно. Просто кое-что произошло на даче у моей подруги Лизы. Внимательно препарирюя прошлое, я вижу, что это, в общем-то, мелкое событие не стало главной причиной моих любовных предпочтений, но более ярко проявило их.

Лизина дача — небольшой деревянный домик с кухней и комнатой. Желтая краска сходит с наружных стен ломтями. Внутри в дождь течет с потолка — подставляем тазы. Дынь-дынь-дынь. За водой с привкусом песка надо идти с ведрами на колонку минут десять. От Питера два часа мимо полей, лесов и борщевиков. Они стоят вдоль дороги, покачивая тяжелыми головами так, словно вот-вот шагнут на асфальт.

— Кажется, из них мы в детстве делали трубки, чтобы стрелять горошинками, — предполагаю я.

— Да ну, не может быть, это очень ядовитое растение, — сомневается мама.